

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1; 23/28

Е. К. Макаренко

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ЖИТИЯ СЯТОГО ПРАВЕДНОГО СТАРЦА ФЕОДОРА ТОМСКОГО»: К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АГИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА

ЧАСТЬ I

Представленная статья является опытом описания современного канонического жития. Первая часть в этой публикации – это фрагмент целостного исследования, посвященного рассмотрению жанрового своеобразия современного агиографического канона на материале «Жития святого праведного старца Феодора Томского», составленного игуменом Силуаном (Вьюровым) (ныне епископом Колпашевским и Стрежевским). Рассматриваемое произведение отражает современный этап эволюции агиографического жанра и соответствует современным каноническим жанрово-стилевым требованиям объективности, фактологичности, лаконичности, а также тенденции к передаче индивидуальной характеристики подвижника, а не ориентации на агиттип. Наибольшее внимание уделено композиционным особенностям, образу автора, стилю жития и художественным принципам создания образа святого. Рассматриваются также принципы композиционного построения «Жития святого праведного старца Феодора Томского».

Ключевые слова: *агиография, проложное житие, святой, праведник, мученик, Православие, канон, композиция, автор, стиль.*

Статья посвящена изучению закономерностей эволюции жанра жития, и наибольшее внимание уделено современному периоду его развития. Особенности современного агиографического жанрового канона рассматриваются на примере «Жития святого праведного старца Феодора Томского», составленного игуменом Силуаном (Вьюровым) (ныне епископом Колпашевским и Стрежевским). В этом житии повествуется об одном из самых загадочных и удивительных русских святых нового времени, а представленные в нем события позволяют не только познакомиться с историей нравов и обычаев сибиряков XIX в., но и увидеть «вечный смысл единичных, исторических и временных явлений» [1, с. 65].

1. Жития святых как жанр духовной литературы в исторической парадигме

Жития святых, как отметил более 150 лет назад крупнейший русский филолог Ф. И. Буслаев, «составляют самый любопытный наставительный, а вместе и в высшей степени занимательный отдел в нашей древней словесности». В них «с одной стороны, предлагаются важнейшие данные для истории православия в России, с другой – любопытнейшие подробности для истории частной

жизни, как духовной, так и светской, для истории нравов, обычаев, образа мыслей и т. п.» [2, с. 45].

Обращение к исследованию жития святого праведного старца Феодора Томского мотивировано проблемой изучения современного жанра жития в его каноническом виде. Именно в последние десятилетия обратил на себя внимание такой факт литературы, как возрождение житийного жанра [3, 4]. Этот процесс обусловлен литературными и вне-литературными факторами.

После разрыва в церковном предании, обусловленном гонениями в советский период истории России на православие¹, перед Русской православной церковью (РПЦ) встал вопрос о выборе современного агиографического канона. Эта задача была сформулирована на XI Международных Рождественских образовательных чтениях 29 января 2003 г. в докладе священника Олега Митрова «Опыт написания житий святых, новомучеников и исповедников Российских. Проблемы жанра»: «Соборное прославление святых новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе в августе 2000 г. и подготовка к этому прославлению поставили перед РПЦ задачу составления житий новопрославляемых святых» [3]. Во-

¹ Как верно характеризует атеистическое сознание русского человека А. Н. Кошечко в своей работе «Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания», «атеистическое мироотношение уничтожает в сознании русского человека самый главный компонент – приоритет духовного измерения над материально-бытовым, лишает личность ценностного вектора развития, замыкает в „обезбоженно-обездушенном мире“» [5, с. 28].

прос о составлении канона современного агиографического жанра привел к необходимости выбора между древним, проложным типом жития, который характеризуется краткостью и объективностью, изложением фактической, документальной стороны событий, и более поздней традицией написания житий, характеризующихся публицистичностью, психологизмом, включением авторского осмысления событий, литературно-художественной обработкой.

Игумен Дамаскин (Орловский), возглавивший общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» и выпустивший серию книг «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним», так прокомментировал позицию современного агиографа: «Иногда в старых житиях автор – например, свт. Димитрий Ростовский – сопровождал рассказ о жизни святого своими поучительными размышлениями, то есть делал назидательные выводы... <...> В современных обстоятельствах, мне кажется, лучше писать жития по типу пролога или летописи – то есть просто излагать ход событий... документальный текст дает возможность как раз опыту научиться – как вести себя в таких обстоятельствах... <...> В документах больше конкретных подробностей, больше практических вариантов, с максимальным приближением к жизни, не опосредованной литературой» [6]. Членами Московской епархиальной комиссии был выбран проложный тип жития как наиболее адекватный тенденциям нашего времени, поэтому канонические жития последних десятилетий в большинстве своем представляют собой историко-документальный текст, который существует на стыке литературы и исторического факта.

Эти требования относятся к написанию не только мученических житий, но и преподобнических, которые имеют свою специфику. Если в основу мученических житий, как правило, кладется судебный протокол допроса мученика и повествование строится вокруг его страданий за Христа, то преподобническое житие представляет собой более полное повествование о жизни подвижника, начиная с его рождения (а то и до момента рождения) и заканчивая описанием посмертных чудес святого. Однако определенная группа современных житий, в большинстве своем преподобнических, продолжает четырёхминейную² агиографическую тра-

дицию XVI–XVIII вв., для которой характерны специфические черты: повествовательное начало, включение авторских поучительных размышлений и назидательных выводов, риторика, литературно-художественная обработка историко-биографических фактов. В определенной мере к такому варианту агиографического текста может быть отнесена книга «Преподобные Старцы Оптинские. Жития и наставления», изданная в Свято-Введенской Оптиной Пустыни в 2002 г.

Сразу скажем, что рассматриваемое нами «Житие святого праведного старца Феодора Томского» во многом соответствует современным каноническим жанрово-стилевым требованиям, характерным для проложного типа жития, однако встречающиеся в тексте назидательно-дидактические и просвещающие читателя авторские комментарии, включение художественно-повествовательных эпизодов из жизни старца, церковно-риторический стиль, встречающийся в некоторых фрагментах текста, приближает рассматриваемое житие и к четырёхминейной традиции.

Необходимо отметить еще одну особенность современных житийных текстов. Дело в том, что каждая разновидность жития (мученические, преподобнические, святых жен) имеет сложившиеся в древнерусский период традиционные топосы³, которые являлись инструментом создания и развития сюжета и формировали принципы построения образа святого. Сложившиеся топосы и ориентация агиографа в описании святого на агиотип в древнерусской литературе имели в своей основе принцип уподобления, что объясняется стремлением автора жития возвести образ святого к сакральному образцу и первообразу (например, в житии святого преподобного Симеона Столпника, написанного св. Димитрием Ростовским, святой сравнивается с древними пророками: «Подобно Иакову, Моисею и Давиду, кои также пасли овец и удостоились Божественных откровений, был призван Богом и Симеон» [8, с. 18]). К тому же, как замечает Т. Р. Руди, следование этикету и ориентация на образцы (*imitatio*) были обязательны для средневековой литературы вообще. Однако в современных житиях не наблюдается такой явной ориентации агиографа на сложившуюся в древнерусский период житийную топику, поскольку составитель жития XXI в. следует за фактами и материалом, а не за образцом и закреплённой художественно-литературной формой. Кроме этого, ослабление

² Как заметил Д. С. Лихачёв, «мы можем различать жития минейные и проложные не по тому только, что первые включаются в четырёхминей, а вторые в прологи, но и по тому, что первые и вторые читаются в различной обстановке [1, с. 51].»

³ См. в работе Т. Р. Руди «Топика русских житий», в которой исследователь выделяет в житийных текстах определенные топосы. Под топосом понимается «любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [7, с. 60].»

ориентации на агитип может быть объяснено стремлением современных писателей показать реалистичность образа подвижника и его уникальность, индивидуальное начало личности. Например, агиограф оптинских старцев в указанной выше книге описывает особенности характеров подвижников, обращает внимание на их различия, подчеркивает непохожесть старцев друг на друга, объясняя это тем, что «благодать Божия не упраздняет человеческой личности, ее характера. Эта глубокая мысль святых отцов находит свое подтверждение в индивидуальных чертах Оптинских старцев, объединенных одним и тем же служением благодатного духовничества» [9, с. 24].

Топосы в современной агиографии играют меньшую роль в построении сюжета, чем в предшествующих текстах, и подчинены задаче описания конкретной биографии святого. Не случайно, что вместе с иконописным образом святого часто представлены фотографии праведника. Если святые на иконах изображаются в соответствии с иконописным канонами, который строится с учетом традиции и уподобления образцам, то на фотографиях передается индивидуальный образ личности, который запечатлен в определенный момент его жизни. Однако в некоторых современных житиях, в основном в преподобнических и в житиях святых жен, встречаются определенные агиографические топосы (например, в «Житии блаженной старицы Матроны» можно найти топосы пророческого сна матери, Божиего чуда во время крещения Матроны, пост в среду и пятницу уже в младенческие годы и др.), которые являются не пустыми формулами, не просто следованием привычным сюжетным схемам, а выражают духовную традицию, наполняющую эти мотивы.

2. «Житие святого праведного старца Феодора Томского» как образец современного жития

Житие местночтимого сибирского святого праведного старца Феодора Томского во многом вписывается в современную агиографическую тенденцию – стремление к фактологичности, документальности, лаконичности и авторской объективности, выражающейся в имперсональном стиле. Однако рассматриваемое произведение имеет свои

стилистические и сюжетно-композиционные особенности, а также определенное повествовательное начало, что отличает его от большинства современных канонических житий и, возможно, обусловлено влиянием четырёх-минейной традиции. Анализ «Жития святого праведного старца Феодора Томского» с целью исследования жанровой специфики современного житийного текста приводит к постановке вопроса о степени допустимой вариативности в современном агиографическом каноне. Как заметил Л. А. Дмитриев по поводу этой проблемы в древнерусских житиях, «характерной чертой агиографии было стремление соблности в житийных произведениях требования жанровых канонов, выработанных многовековой историей агиографического жанра. Эти каноны придавали житиям отвлеченный риторический характер. Однако историческая действительность, политические тенденции, устные предания, реальные факты жизни героя жития нарушали жанровые каноны» [10, с. 112]. Поскольку данная статья посвящена проблеме изучения жанра, который, по замечанию М. М. Бахтина, формируют три неразрывно связанные компонента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение, – наша исследовательская стратегия строится на анализе этих конститутивных жанровых составляющих текста.

2.1. Принципы композиционного построения «Жития святого праведного старца Феодора Томского»

Святой праведный старец Феодор Томский канонизирован в 1984 г. Русской православной церковью в лике праведных в составе Собора сибирских святых. О старце Феодоре Кузьмиче было написано много разнообразных как документально-исторических исследований⁴, так и художественных произведений⁵, в том числе и для детей⁶.

Большой интерес к томскому святому во многом вызван тем, что старец Феодор тщательно хранил тайну своего происхождения. По одной из распространенных версий, святой праведный старец Феодор отождествляется с императором Александром I. Легендарный характер судьбы сибирского святого (император – святой старец, царь – нищий,

⁴ Михайлов К. Н. Император Александр I. Старец Феодор Козьмич. Историческое исследование. СПб.: Прометей, 1914. 295 с.; Привалихин В. И. Так был ли старец Федор Кузьмич императором Александром I? Историческое исследование. Томск, 2004. 130 с.; Серебренников А. Н. Великая легенда: Император Александр I и старец Фёдор Кузьмич. Сан-Франциско, 1967. 48 с.; Фёдоров В. И. Александр Благословенный – святой старец Федор Томский: Ист. исслед. Томск: Сиб. изд. дом, 2001. 325 с.; Васильев Н. Легенда о кончине Александра I, или Тайна сибирского старца Фёдора Кузьмича. М.: Совмест. сов.-амер. предприятие ТО «Старт», 1991. 68 с.; Два монарха и таинственный старец Фёдор Козьмич: [О рос. императорах Павле I и Александре I]. М.: Скит, 1992. 173 с.; Император-старец Феодор Кузьмич: [Об Александре I]. М.: Паломник, 2002. 245 с.

⁵ Толстой Л. Н. Посмертные записки старца Феодора Кузьмича...; Самойлов Д. С. Струфиан; Кузнецова А. Долли; Бецкой П. Тайна Ф. К. и др.

⁶ Успеньева Ю. А. Благословенный старец; Татаркина С. В. О дивном старце, стороне Сибирской и о людях добрых; Успеньева Ю. А. Благословенный старец и др.

монарх – монах) до сих пор порождает неутихающий интерес. Учитывая это, автор-составитель «Жития святого праведного старца Феодора Томского» начинает повествование со стремления перенести внимание читателя с заключающей в себе «внешнюю» тайну и интригу биографии святого на таинственный смысл как духовного его подвига, так и самого феномена святости. Таким образом, автор переносит акцент с проблемы происхождения и социального статуса старца на специфику социальной трансцендентальности (термин С. С. Авринцева) святых: «Жизнь святых по своей природе таинственна, но не от того, что в ней что-то нарочито скрыто от глаз непосвященных, а потому что их жизнь особым образом причастна той Великой Тайне, Которая именуется Богом, и – в силу данной причастности – сродна ей»⁷ [11, с. 3]. В этих вступительных словах можно заметить характерное для агиографической эстетики стремление избежать индивидуального и найти общее, часто выражающееся в символическом.

Композиционно «Житие святого праведного старца Феодора Томского» строго структурировано и имеет определенную логику развития повествования. Первоначальное деление на главы, которое сохраняется в одном из электронных вариантов жития (на электронном сайте Томского Богородице-Алексиевского монастыря⁸), само по себе знаменательно, поскольку позволяет выделить, с точки зрения агиографа, то важное и значимое, которое подчиняет все повествование сотериологической цели. Главы названы следующим образом: *Пролог. Появление в Сибири. Подвижнические труды. Служение любви. Благодатные дарования. «Столы от земли до неба». Блаженная кончина и тайна старца. Посмертные чудеса. Благодатная помощь святого Феодора в наши дни. Почитание Угодника Божиего.*

Как видно из заглавий, описание внешних фактов биографии подчинено раскрытию духовного смысла подвижнической жизни старца. В житии видна четкая композиционная структура. Все повествование выстраивается в хронологическом порядке – от времени появления старца в Сибири до блаженной кончины и посмертных чудес – и соответствует агиографическому канону.

Пролог и эпилог жития соотносятся с жанром проповеди и носят риторический характер. Эти композиционно выделенные части житийного текста имеют нравственно-гомелитическое целепола-

гание и напрямую адресованы читателю. В них выражена авторская индивидуальность и авторская точка зрения на изображаемое.

Каждая глава, которая в печатном виде выделена как отдельная часть повествования, представляет собой достаточно замкнутую и завершенную смысловую конструкцию. Как правило, она начинается с определенного вступления и в финале завершается обобщающей фразой. Например, в начале главы «Благодатные дарования» автор пишет о духовных дарах старца («Святому старцу Феодору был дан от Бога дар прозорливости, который всегда сопутствует служению старческого попечения о ближних» [11, с. 3]), а заканчивает похвалой святого («Своей праведной жизнью и благодатным попечением о ближних святой старец Феодор Козьмич, по апостольскому слову, являлся «Христовым благоуханием Богу в спасаемых и в погибающих» (2 Кор. 2: 15) и указанием на прижизненные чудеса («Внешним знамением этого был постоянно ощущаемый в келии старца необыкновенный благоуханный запах, между тем, как было хорошо известно, что старец Феодор не имел у себя никаких ароматических веществ. Неоднократно также в келии старца по ночам замечался какой-то свет, тогда как старец никогда не зажигал у себя ни свечей, ни лампады»). Похвала святому строится в соответствии с агиографической традицией.

Начинается житие вступительной частью, которая в озаглавленном варианте названа Прологом. Она открывается традиционной для средневековых житий цитатой из Евангелия («Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29) [11, с. 3]. Однако необходимо отметить, что эта традиция не сохранилась в большинстве современных житийных текстов, особенно в мученических, которые сразу начинаются с биографии подвижника (например «Житие и страдания благоверного Царя Николая Александровича и Его Семьи» имеет хроникально-летописное повествование и начинается с указания даты рождения Николая II: «Император Всероссийский Николай II родился 6 (18) мая 1868 года в день Святого Праведного Иова Многострадального» [12, с. 5]).

Пролог написан религиозно-проповедническим стилем, для которого характерно соединение функций сообщения и воздействия, просветительской и дидактической направленности, можно также от-

⁷ В связи с вышесказанным и учитывая особый, можно сказать, легендарно-притчевый характер жизни праведного старца Феодора Томского (император – нищий старец) вспоминается притча о переодетом царе, рассказанная святителем Николаем Сербским. Раскрывая мистический смысл своей притчи, святитель объясняет: «Итак, переоделся Бог, Царь царей, в смертное тело человеческое, как в нищенские лохмотья, и пошел по царству Своему земному...»

⁸ Житие святого праведного старца Феодора Томского. URL: http://tbam.ru/Sv_Feodor_Tomskiy/Gitie_Sv_Feodora_Tomskogo/302554/

метить, что в этой части жития достаточно отчетливо звучит пастырский голос автора («Невозможно сегодня с полной уверенностью утверждать, кем был праведный старец до своего появления в Сибири. Верно одно – именно сибирский период его жизни явил нам святость этого человека и даровал крепкого предстателя за нас пред Богом, имя которого – Феодор – и означает „дар Божий“») [11, с. 3].

В «Житии святого праведного старца Феодора» отсутствуют многие ключевые топосы, свойственные житиям преподобных: рождение от благочестивых родителей, чудеса, которые случаются сразу после рождения будущего святого, прилежание в Божественном учении и нежелание играть с другими детьми и другие, поскольку подвижническая жизнь старца Феодора стала известна людям только в 1830-е гг., когда он был замечен в сибирском городе Красноуфимске. До этого времени вся предшествующая жизнь праведника остается для нас тайной. Однако сюжетная линия, связанная с тайной происхождения старца, в житии полностью не редуцируется, а так или иначе вместе с разными фактами и дошедшими до нас рассказами свидетелей жизни подвижника играет важную роль в общем сюжете.

Первая глава жития «Появление в Сибири» начинается с указания на несоответствие облика незнакомца, появившегося в Красноуфимске, и того, за кого он выдавал себя: «Странник привлек к себе внимание своей необычной внешностью и необъяснимым поведением. Поражало несоответствие величественной, благообразной наружности и изысканности манер, выдававшей в этом человеке знатное происхождение, и облачавшей его грубой крестьянской одежды. На все вопросы он отвечал неохотно и уклончиво, чем вызвал еще большее подозрение у остановивших его крестьян, которыми он был доставлен без всякого с его стороны сопротивления в город» [11, с. 3–4]. По ходу повествования некоторые сохранившиеся в памяти свидетелей жизни старца факты, события и их обстоятельства (например особая радость в день памяти святого благоверного князя Александра Невского), а также его слова подтверждают сложившуюся в народном сознании версию о том, что старец Феодор и император Александр I – одно лицо. Так, приводятся сведения, доказывающие хорошее знание праведником деталей петербургской придворной жизни и событий конца XVIII и начала XIX столетия. В житии указаны факты его влияния на политику и дворцовую жизнь своего времени: «Известно, что через различных странников Феодор Козьмич вел довольно обширную переписку и был в курсе всех основных событий общественной жизни» [11, с. 12]. При этом старец «любил

говорить о военных походах и сражениях, причем незаметно для себя самого вдавался иногда в такие мелкие подробности, например, в эпизодах войны 1812 г., что этим вызывал недоумение даже у лиц образованных: духовенства, интеллигентных ссыльных» [11, с. 13].

Составитель жития, соблюдая объективность повествования, не приводит собственных догадок и предположений по этому вопросу, но иногда все-таки встречаются достаточно осторожные заключения со стороны автора: «Все это давало возможность видеть в Феодоре Козьмиче человека непростого происхождения, хотя он и старался соблюдать простоту в речах и вообще во всем образе жизни» [11, с. 7].

Одним из наиболее важных свидетельств царского происхождения старца служит приведенный разговор купца Хромова с Феодором Козьмичем: «Есть молва, – продолжал Семен Феофанович, – что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный... Правда ли это?...» Старец, услышав это, стал креститься и говорит: «Чудны дела Твои, Господи... Нет тайны, которая бы не открылась». На другой день старец продолжил разговор следующими словами: «Панок, хотя ты знаешь, кто я, но, когда умру, не величь меня, схорони просто» [11, с. 26–27].

В целом версия о том, что святой праведный старец Феодор Томский был не кто иной, как император Александр I, представлена в житии достаточно однозначно. Агиограф, никак не влияя на мнение читателя своими оценками и догадками, подтверждает эту версию известными ему фактами и воспоминаниями свидетелей жизни святого, тем самым стараясь сохранять объективную и беспристрастную позицию.

Собственно, повествование о старце Феодоре касается только сибирского периода его жизни. В главах «Появление в Сибири», «Подвижнические труды», «Служение любви», «Благодатные дарования», «Столп от земли до неба», «Блаженная кончина и тайна старца» преобладает точный, объективный, научно-художественный стиль повествования. Первая глава отличается особенно сжатым и лаконичным, протокольным стилем. В главе «Появление в Сибири» агиографом собраны все известные фактические сведения из сохранившихся документов и свидетельств (точно указаны даты и места пребывания), которые переданы в хронологическом порядке: «В сентябре 1836 г. в арестантской партии под конвоем он был отправлен по этапу в Томскую губернию, где был приписан к деревне Зерцалы Боготольской волости Ачинского уезда, куда и прибыл 26 марта 1837 г.» [11, с. 4]. Сам образ старца в этой главе слабо прорисован. Однако, поскольку задача агиографа заключается

не только в воссоздании достоверного жизненного пути, но и в выявлении сути и вневременного содержания подвига святого, его обожения, то уже в следующих главах биография раскрывается в ином ракурсе – в обстоятельном описании подвижнических трудов старца и благодатных дарований, которых он сподобился. Такое построение жития отразилось в названиях глав: «Подвижнические труды», «Служение любви», «Благодатные дарования».

Завершается повествование о жизни святого соответственно агиографическому канону описанием тихой и мирной кончины праведника и сопровождавших его упокоение чудес: чудесные ослепительно светлые столбы, сопровождавшие повозку со старцем; во время преставления старца вырвались языки пламени из негоревшего дома, где умирал святой и др.

Последние главы жития «Посмертные чудеса», «Благодатная помощь святого Феодора в наши дни» посвящены описанию посмертных чудес праведника и благодатной помощи праведного Феодора Томского людям в наше время. В этой части текста в соответствии с агиографической традицией описания благодатной помощи угодника Божиего страждущим представлены в виде записей с рассказами и признаниями людей. Эти записи достаточно кратки и передают непосредственную разговорную речь. Комментарий со стороны автора-составителя в этих записях отсут-

ствует. Например: «Наш ребенок родился тяжелобольной, – сообщает семья прихожан Троицкого храма г. Томска, – с очень многими болезнями. Основной диагноз – поражение центральной нервной системы, внутричерепное кровоизлияние, судорожный синдром. 7 месяцев младенец проходил лечение, но уколы (всего около ста), лекарства и специальные противосудорожные порошки не дали явных результатов. Специально назначенный массаж также не улучшил состояния. Все это время ребенок находился под наблюдением врача. Наконец мы решили приложить нашего ребенка к мощам святого Феодора и помазать освященным маслом из горячей перед мощами лампы. Сделав это 28 августа 1995 года, на другой день увидели улучшение. На третий день наш сынок исцелился. Позднее педиатр, массажист и несколько разных врачей заметили у больного исцеление» [8, с. 31].

Заключительная часть жития «Почитание Угодника Божиего» носит строго документально-исторический характер, посвящена истории почитания святого угодника Божиего, обретения его мощей и канонизации. Житие заканчивается эпилогом, в котором представлены композиционные агиографические топосы – возносимая похвала святому и благодарение Господу. Наличие развернутой похвалы святому в рамках житийного текста свидетельствует о том, что житие приобретает черты панегирической агиобиографии.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.
2. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861. СтБ. 736 с.
3. Митров О. Опыт написания житий святых, новомучеников и исповедников Российских. Проблемы жанра (Текст доклада, прочитанного на XI Международных Рождественских образовательных чтениях 29 января 2003 г.). URL: <http://www.fond.ru/index.php>
4. Лоевская М. М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2005. 365 с.
5. Кошечко А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 23–31.
6. Игумен Дамаскин (Орловский). Житие и жизнь // Журнал о православной жизни «Нескучный сад». 2004. № 1 (8). URL: C:\Users\Евгения\Desktop\Жития\Журнал «Нескучный сад» www_nsad_ru.htm
7. Руди Т. Р. Топика русских житий // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. Санкт-Петербург: Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Российской академии наук, 2005. С. 59–102.
8. Свят. Димитрий Ростовский. Жития святых святителя Димитрия Ростовского: в 12 т. М.: Лествица, 2005. Т. 1. 800 с.
9. Преподобные Старцы Оптинские. Жития и наставления: 2-е изд., испр. и доп. Козельск: Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2002. 510 с.
10. История русской литературы X–XVII вв.: учеб. пос. для студентов пед. ин-тов по спец-ти № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, Я. С. Лурье и др.; под ред. Д. С. Лихачёва. М.: Просвещение, 1979. 462 с.
11. Житие святого праведного старца Феодора Томского / сост. Игумен Силуан (Вьюров). 3-е изд. (доп.). Томск: Богородице-Алексиевский монастырь, 2010. 36 с.
12. Великие святые. «Он всех простил...». Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Житие и страдания Святых Царственных стратотерпцев Николая II и Его Семьи. Материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской православной церкви. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002. 222 с.

Макаренко Е. К., кандидат филологических наук, доцент кафедры.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: andre@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 12.08.2014.

E. K. Makarenko

GENRE ORIGINALITY OF “THE LIFE OF THE RIGHTEOUS ELDER THEODORE OF TOMSK”: THE PROBLEM OF THE MODERN CANON OF HAGIOGRAPHIC

The presented article is a part of the study on the review of the modern genre identity hagiographic canon material on “The Life of the righteous elder Theodore of Tomsk” composed by hegumen Silvanus (Vyurovym) (now Father Kolpashevsky and Strezhevskoy). The considered work reflects the current stage of evolution of hagiographic genre and meets modern canonical genre and stylistic requirements of objectivity, factology, conciseness, and the tendency to transfer the individual characteristic of the ascetic and not to focus on agiotip. Most attention is paid to composition peculiarities, author’s image, style of live and artistic principles of creating an image of a saint. This article discusses the principles of composite construction “The life of the righteous elder Theodore of Tomsk”.

Key words: *hagiography, exordium life, saint, righteous, martyr, orthodoxy, canon, composition, author, style.*

References

1. Likhachev D. S. *Poetics of Old Russian literature*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 376 p. (in Russian).
2. Buslayev F. I. *Historical Anthology of Church Slavonic and Russian languages*. Moscow, STB Publ., 1861. 736 p. (in Russian).
3. Mitrov O. *Experience in writing the lives of saints, martyrs and confessors of Russian. Problems of genre* (text of the report read at the XI International Christmas Educational Readings January 29, 2003). URL: <http://www.fond.ru/index.php> (in Russian).
4. Loevskaya M. M. *Russian hagiography in cultural and historical context of transitional periods*. Thesis doctor culturol. sci. Moscow, 2005. 365 p. (in Russian).
5. Koshechko A. N. Dostoevsky and apostasy: the problem of attributive characteristics of the existential consciousness. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 11 (139), pp. 23–31 (in Russian).
6. Hegumen Damascene (Orlovsky). Hagiography and Life. *Journal of Orthodox life “Neskuchny sad”*, 2004, no. 1 (8). URL: C:\Users\Eugene\Desktop\Lives\Journal «Boring garden» www.nsad_ru.htm (in Russian).
7. Rudy T. R. Topeka of Russian hagiographies. *Russian hagiography. Research. Publication. Controversy*. St. Petersburg, Institut Russkoy literatury (Pushkinsky Dom) Rossiyskoy Akademii Nauk Publ., 2005. Pp. 59–102 (in Russian).
8. St. Dimitry of Rostov. *Lives of the Saints of St. Dimitri of Rostov*: in 12 volumes. Moscow, Lestvitsa Publ., 2005. V. 1. 800 p. (in Russian).
9. *Reverend Optina Elders. Lives and instruction*. Kozel'sk, Svyato-Vvedenskaya Optina Pustyn' Publ., 2002. 510 p. (in Russian).
10. *Russian literature History X–XVII centuries: students' manual for ped. in-ts 2101 “Rus. lang. and lit”*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 462 p. (in Russian).
11. *Life of St. Theodore of Tomsk righteous elder*. Tomsk, Bogoroditse-Aleksievskiy monastyr' Publ., 2010. 36 p. (in Russian).
12. *Great saints. «He forgave everybody...». Emperor Nicholas II. Church of the royal family. Life and suffering of the Holy Royal Nicholas II and his family*. Materials Synodal Commission on the Causes of Saints Russian Orthodox Church. St. Petersburg, Neva Publ.; Moscow, Olma-Press Grand Publ., 2002. 222 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: andre@tspu.edu.ru